

18+

СВЕТЛАНА ЛОКТЫШ

ЗАПОЗДАЛОЕ НАМЕРЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Светлана Локтыш

Запоздалое намерение. Рассказы

«Издательские решения»

Локтыш С.

Запоздалое намерение. Рассказы / С. Локтыш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694342-1

Некоторые произведения сборника ранее публиковались отдельными изданиями. О чем эта книга? О ценностях. Они хоть и спрятаны в глубине души, но больше всего влияют на жизненные выборы и решения человека. И он, в зависимости от ценностного набора, либо становится счастливым, либо даже в конце жизни не понимает, в чем заключается настоящее счастье, где его искать и чего вообще он появился на белый свет. Вечные, как мир, и очень важные вопросы, на которые каждый человек рано или поздно ищет ответы. Как и герои рассказов из книги «Запоздалое намерение».

ISBN 978-5-00-694342-1

© Локтыш С.

© Издательские решения

Содержание

Свадебный подарок	6
Порядочный мужчина желает познакомиться	7
Сеанс гипноза	12
Взрослые люди	14
Марк и Виталина	16
Среднее арифметическое	21
Свадебный подарок	25
Сама так хотела	29
Без права на любовь	32
В отеле	35
Концерт	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Запоздалое намерение

Рассказы

Светлана Локтыш

© Светлана Локтыш, 2026

ISBN 978-5-0069-4342-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«О чем эта книга?» – спросишь ты меня, дорогой читатель. И я отвечу: о ценностях. Они хоть и спрятаны в глубине души, но больше всего влияют на жизненные выборы и решения человека. И он, в зависимости от ценностного набора, либо становится счастливым, либо даже в конце жизни не понимает, в чем заключается настоящее счастье, где его искать и зачем вообще он появился на белый свет.

Вечные, как мир, и очень важные вопросы, на которые каждый человек рано или поздно ищет ответы. Как и герои рассказов из книги «Запоздалое намерение».

Сборник состоит из трех частей. Первую, «Свадебный подарок», составляют истории о любви. Он и Она теряют и ищут друг друга, пытаются наладить отношения – иногда успешно, бывает, не очень. Причины этому разные: юношеский максимализм, измена, неумение своевременно высказать свои чувства или заметить «своего» человека.

Вторая часть книги «Воскресный обед» посвящена вечной проблеме отцов и детей, семейным отношениям, вопросам воспитания и детским хлопотам. Такое деление довольно условно, потому что раскрываются в этих рассказах также темы любви и неумения любить, добра и зла, доверия и безразличия к близким людям.

Часть «Господи, прости...» получилась, пожалуй, самой тяжелой для восприятия. И не только потому, что сюда вошли рассказы в жанре мистического реализма, но и потому, что многие герои историй творят зло, оказываются способны даже на преступления. И расплата настигает их. Пусть и не сразу, а через много лет.

Я уверена, что каждый из моих героев достоин внимания и ты, дорогой читатель, проживешь с ними много интересных «жизней». Рассказы в сборнике разные по тематике, стилю, настроению, времени написания. Но все они принесут тебе удовольствие от чтения, важные осознания и идеи, отвлекут от твоих проблем либо помогут взглянуть на жизнь с иного ракурса.

Если же ты захочешь высказать свое мнение о прочитанном, поделиться откликом, оставляй его на странице этой книги или присылай на электронный адрес svetlana.loktish@gmail.com.

Светлана Локтыш

Свадебный подарок

Порядочный мужчина желает познакомиться

Иной раз женщины ведут себя настолько непредсказуемо, что диву даешься: вот ты же уверяешь, что хочешь замуж, – а делаешь все, чтобы в том «замуже» не оказаться. Об этом не зря говорю: убедился на собственном опыте.

Простите, не представился, кто я да что я.

Зовут меня Арсений. Мужчина молодой, тридцати восьми лет от роду. В меру высокий, стройный, красивый – короче, все у меня в меру. Не Ален Делон и не принц английский, но и не затравленный урод без роду-племени. При должности, небольшой квартире в областном центре и приличном автомобиле. Зарплата не заоблачная, но стабильная. Добавлю, что мужчина я порядочный, надежный. И женат пока не был – что и надеюсь исправить в ближайшем будущем. Поэтому сейчас нахожусь в активном поиске и так же целенаправленно, как до сих пор строил карьеру, разыскиваю вторую свою половинку.

Ну вот, основные анкетные данные выдал. Теперь можно с чистым сердцем вернуться к разговору о том, с чего начал, – о женских странностях.

Чтобы найти ту, с кем мечтаю шагать рука об руку не один десяток лет (а я рассчитываю жить хотя бы до девяноста), применяю разные, так сказать, методы. Сначала путался по социальным сетям – все мимо. Затем пошел на сайты знакомств – ни одной встречи: то интим желают красавицы, то виртуальной любви. А зачем мне голый интим или виртуальные отношения? Реальных ищу.

Следующим шагом стали брачные агентства, но они тоже не оправдали надежд: томные красавицы с отфотошопленных снимков на деле разочаровывали с первого взгляда. И я, наконец, дошел до того, что обратился к древнейшему средству – решил познакомиться с будущей супругицей через сваху. Узнал, что она ко всем имеет индивидуальный подход. «Вот, – думаю, – этот вариант – то, что надо. Уж такой-то специалист найдет родственную душу».

Сваха показала женщину серьезной и, как говорится, в теме. Документы оформили, по скайпу связались, услуги я оплатил – все чин чинком. И начала сваха мне поставлять претенденток на семейную жизнь.

Отдам должное: девушки оказались реальными и натуральными, не то, что в агентствах или интернете. Но... ума не приложу, где она их откапывает, таких чудачек! По фото кажутся симпатичными и хорошими, по телефону поговоришь – умные, адекватные. Однако первое же свидание становится и последним. Хоть ты женись без всяких свиданий! Может быть, и пошел бы даже на такую авантюру, но как подумаю, что потом не смогу жить да придется скоропалительно разводиться – мне это нужно? Не-е-ет, хочется, чтобы наверняка – раз и навсегда. А тут раз – и разбежались. Обидно.

Да что толку рассуждать! Расскажу о встречах, а вы сами посудите, что к чему.

Звонит мне сваха:

– Мария, тридцать шесть лет. Замужем не была, но выйти не против. Ребенка желает. Сфера деятельности перекликается с вашей. Тоже карьеру строила, а теперь о семье задумалась. И мама подгоняет: внуков хочет. Умна, при должности – начальник отдела райпотребсоюза, квартира есть. Фотографию, телефон, другие данные отправила. Смотрите, звоните – удачи!

Рассматриваю снимок: русые волосы, голубые глаза, рост чуть выше среднего, худощавое телосложение. С виду нормальная, можно встретиться. Настроился морально, прихорошился физически – вымыл голову, побрился, наодеколонился. Кавалер кавалером! Говорят же, что люди даже по телефону чувствуют энергетику – моя будет в полном порядке.

Набираю номер мобильного. Гудок идет, а реакции никакой. Перезваниваю через пятнадцать минут и через час – снова неудача. Замуж не торопится или играет со мной? Решаю сделать контрольный звонок, и Мария берет трубку.

– Извините, не могла говорить – по работе сильно занята. А тут еще выборы...

Оказывается, она в избирательной комиссии, некогда личными делами заниматься. Решаем встретиться через неделю-полторы. Ну, думаю, если уж столько лет ждал, то и это не время, пролетит быстро.

Снова сам проявляю инициативу, звоню. Договариваемся встретиться. Прихожу с цветами, как и положено, жду. Расфранченный весь, в кожаной курточке. А ранняя весна... В общем, замерз я вместе с теми цветами – а девушки нет. Хотя часы показывают, что свидание должно было начаться минут двадцать назад.

Набираю знакомый номер:

– Вы опаздываете?

А она мне:

– Сижу в кафе «Ностальгия».

Я выпал в осадок: в каком кафе?! Мы же договаривались у памятника! Пытаюсь осознать, что это было и где находится злополучное кафе. Расспрашиваю прохожих, через минут пятнадцать нахожу затерянную среди дворов забегаловку. Скажу по правде, хочется плюнуть и пойти домой. Но решаю: должен хотя бы посмотреть, что за краля такая, из-за которой столько времени угробил.

Девушка оказывается обычной. Среднестатистической. Собственно, королеву красоты я и не жду, но не против какой-нибудь изюминки. У этой же только корона на голове оказалась, извиниться помешала.

Как человек интеллигентный, я, конечно, вручаю ей замерзшие цветы с печально опущенными головками, заказываю мороженое, коктейль. Говорим о том, о сем. И тут она мне:

– А какая у вас должность?.. А сколько зарабатываете?

«У-у-у, девочка, – думаю, – далеко пойдешь, но только не в семейной жизни». Пару раз чихаю и кашляю для порядка, жалуясь на головную боль – и только меня и видели!

Потом сваха сказала, что понравился я этой Марии. Но она такая скромная, что не знала, как это показать. Ага, скромная. Только это не помешало ей поинтересоваться содержимым чужого кошелька на первом же свидании. Нет, такая невеста пусть другим достается.

Знакомит сваха с Лидией. Встречаемся. Барышня подчеркнуто пунктуальна. Тридцать четыре года, руководитель небольшой фирмы, своя квартира, машина. Короче, современная классическая бизнес-вумен. Поглядывает на меня свысока, даже кажется, что не я на полголы возвышаюсь над ней с каблуками, а она – надо мной.

Пьем кофе, Лидия больше помалкивает, зато пристально разглядывает мой костюм, часы, обувь – «дольчегабану» или «версаче» выискивает? Почему-то хвастается тем, что она – дочь офицера. По иронии судьбы, и я – сын офицера, но что с того? Звездочки на погонах – заслуги отцов, а не наши. Потому пропускаю мимо ушей рассказы и о других родительских достижениях. Я с ней разговариваю спокойно, с юмором, она со мной – высокомерно и снисходительно: так обычно отдает приказы мой начальник.

После кофе свиданию так и не удастся прикрыться романтическим флером: мы рысцой пробегаемся по набережной, Лидия вдруг вспоминает, что есть неотложное дело – и на этот раз только и видели ее.

– Знакомство продолжать будем? – еле успеваю спросить на прощание, чтобы расставить все точки над «i».

Понимаю же, что в первый раз обоим волнуемся, что-то можем сделать не так, показать себя не с той стороны. Да и сваха настаивает на трех встречах, чтобы привыкнуть друг к другу и выйти на естественное общение.

Но, видимо, Лида точек на над «i» не любит. А еще бизнесвуменша!

– Не знаю, не знаю... посмотрим, – неопределенно бросает через плечо. – И, если что, только в выходные!

«Если что» – это что? А в выходные – которые?... Та-а-ак, видимо, для этой барышни антураж оказался не тот: не хватило элитных вещичек и бирочек – символов успешности. Не соответствую высоким стандартам.

Опять звоню свахе:

– Найдите мне обычную девушку, простую, домашнюю. Чтобы с ней уютно, тепло было рядом. Чтобы не про выборы и должности разговаривали, а про маленькие человеческие радости – природу там... книги, хобби. И чтобы она не молчала, как истукан, да не высматривала, в каком бутике одеваюсь.

Сваха уверяет, что понимает меня, и предлагает познакомиться с провинциалкой. Мол, в провинции девушки не такие задавастые.

Провинциалка так провинциалка. И на периферии живут люди, а не инопланетяне или дикари. Тем более, с фото смотрит симпатичная девушка, волосы длинные, глаза голубые. То, что нужно. Анна, тридцать пять, коммуникабельная, работает в мужском коллективе, но замужем не была. «Эх, думаю, Ганночка-Гануля, может, ты – моя судьба?»

Встречаю с поезда. Сам снова расфуфырился, перья почистил. На этот раз даже культурную программу разработал: иногородняя же, ответственность за развлечения на мне. Расписал все до мелочей. Сначала прогуляемся по «улице фонарей» – есть у нас такая, познакомимся ближе. После прогулки заведу в пиццерию: с дороги, думаю, сразу не стоит – приличные девушки голодными на свидание не ходят. Подкрепившись, можно будет на выставку картин заглянуть, что открылась вчера, или, по желанию, завернуть в краеведческий музей. А перед обратной дорогой угощу кофе с бутербродом в кафе недалеко от вокзала.

Только все пошло совсем не по плану.

Встречаемся. Я Анне возвышенно так:

– Предлагаю начать с небольшой прогулки. Покажу вам, какой наш город красивый. Особенно когда зажигаются фонари на улице...

Договорить не успеваю, новая знакомая коротко, но убедительно заявляет:

– Хочу в кафе!

– Вы не поели, голодная? – осторожно спрашиваю.

– Нет, не голодная, – отвечает, – но хочу в кафе!

Желание женщины – закон. Веду в ближайшее более-менее приличное кафе, угощаю. В голове корректирую план. После плотного обеда еще раз предлагаю прогуляться.

– Мне бы гель для душа купить, – удивляет эта Гануля очередным желанием.

И мы ищем нужный магазин. Анна берет гель для душа, прихватывает две пары колгот на каких-то «двадцать ден». Когда подходит время рассчитываться, косится на меня. Ну, нет, в такие игры я не играю! В смысле, не покупаю интимные вещи малознакомым женщинам. Поэтому делаю вид, что не замечаю многозначительных взглядов. Она сама расплачивается, и мы выходим из магазина.

Я все еще надеюсь блеснуть краеведческими познаниями, в уме перестраиваю план прогулки – но не успеваю его озвучить. Новая знакомая замечает вывеску магазина с нижним бельем.

– Мне нужно зайти сюда!

«Ну, приехали... – думаю. – Мало колготок, еще и труселя придется выбирать».

Но надо так надо: двигаюсь за ней внутрь, услужливо открывая двери. Понимаю, что план мой разрушен окончательно, и гнусное разочарование начинает разъедать отношения, которые так и не успели завязаться.

Анна действительно пытается вести меня туда, где висят, пардон, трусы и лифчики. Я – мужчина бывалый, конечно, эти предметы туалета видел, и не раз. Но неловко как-то рассматривать их с женщиной, с которой встречаюсь впервые в жизни. Потому останавливаюсь недалеко от кассы, поглядываю в окно. Логику женщины понять не берусь – просчитываю свои дальнейшие шаги.

– Здесь неподалеку вернисаж открылся: современные молодые художники картины показывают. Заглянем? – предлагаю, когда выходим из магазина.

И в очередной раз слышу:

– Не-е-е. Пойдем лучше в кафе!

– Неужели проголодалась? – уже и не скрываю своего удивления. Ладно, думаю себе, может, чего не докумекиваю: женщина – существо непредсказуемое.

– Нет, просто захотелось выпить молочного коктейля, – невозмутимо отвечает Анна.

И мы поворачиваем в ближайшее кафе. Наверное, в провинции кафешек нет, поэтому она здесь отрывается?

Покупаю коктейль. Опять сидим и говорим ни о чем, переливаем из пустого в порожнее. Оно и понятно: пока из общих впечатлений только короткий шопинг да интимные покупки. Часы показывают, что некогда реализовывать мою культурную программу, да, по правде говоря, и желания уже нет.

Возвращаемся на железнодорожный вокзал. Иду я и раздумываю: что Анна хотела сказать своим поведением? Так проверяла мою щедрость? Глупо: она мне еще никто, чтобы ожидать подарки. Хотела показать, что готова сразу прыгнуть в постель в новом нижнем белье после душа с ароматным гелем? Так я ж не шлюху ищу, такого добра найти нетрудно. Мне жена нужна. От небольшого ума такое поведение или от простоты провинциальной? Я, конечно, хотел получить простую женщину – но не настолько же, чтобы как три копейки. Не зря говорят: простота хуже воровства. Видимо, как раз тот случай.

Покупаем обратный билет. До поезда остается сорок минут, Анна вспоминает:

– У меня нет воды в дорогу!

– Я куплю, – бегу выполнять еще один почти приказ.

Анна быстро упаковывает бутылку в сумку и воодушевленно так говорит:

– А давай сходим посидим в кафе!

О-о-о, боги! Но ладно, если в провинции так голодают, придется выручать.

Железнодорожная забегаловка небольшая, я бы сказал, быдлая. Сигаретный дым пропитал все, от столового стула с железной ручкой до смятого чепчика на голове горластой продавщицы. Мужики с красными потными мордами тянут пиво из огромных бокалов, выстраивают по три этажа из крепких словечек. Жалостливо смотрю на спутницу и предлагаю:

– Пойдем отсюда?

– Я бы выпила кофе с пирожком, – отвечает Анна и забрасывает длинные волосы на спину.

– Неужели тебе здесь комфортно? – гляжу на нее с удивлением и представляю, как через десять минут ее волосы пропитаются противными запахами.

Анна улыбается в ответ и направляется к прилавку. Я делаю шаг, другой следом – и не выдерживаю, хватаю ее за руку.

– Знаешь, ты как хочешь... но тут – без меня. Я в этом быдлат... я здесь сидеть не буду. Счастливого пути!

Ухожу, не оглядываясь. Спаси, Господи, от такой женщины!

Всю дорогу домой меня терзает страх: а вдруг все незамужние бездетные дамочки после тридцати лет обзаводятся «тараканами» в голове? У каждой они свои, не спорю, но ни одно из этих насекомых не способно ужиться с моими представлениями о семейном счастье.

Когда отчаянные мысли постепенно развеиваются, решаюсь в последний раз позвонить свахе.

Очередная претендентка на звание жены тридцати трех лет от роду и едва ли не самая красивая. С профессионально выполненного снимка на меня загадочно смотрит стройная шатенка.

Наученный предыдущим опытом, веду ее сразу в кафе. Мороженое, коктейль, пирожное? Заказывает только чашечку несладкого кофе. Ну, хорошо, эта хоть не из голодного края.

Но к тому времени, как официант приносит заказ, я уже мысленно вздыхаю: боже мой, из какого века спустилась на грешную землю эта Ассоль? То ли ждет своего отважного Грея, то ли ищет романтика с большой дороги? Похоже, и сама в себе еще не разобралась. Мысли и разговоры – только о высоком, до которого я своим земным умом дотянуться не в состоянии. Отношения? Чисто платонические, «пока окончательно не привыкнем друг к другу».

«Послушай, милая, у меня столько времени нет, – мысленно посылаю ей импульсы. – Мне бы, как говорится, в последний вагон вскочить, пока сороковник не ударил».

Но понимаю, что рядом с этой красавицей слово «секс» и ему подобные будет запрещено произносить пожизненно. А все, что происходит между мужчиной и женщиной, может случаться только темной-претемной ночью под толстым-претолстым одеялом. Несомненно, если вдруг сойдемся, то станем жить-поживать да добра наживать до самой смерти, и даже, как в сказке, умрем в один день. Но есть опасность, что я скорее отправлюсь к праотцам, не оставив наследников, чем дотяну до первой брачной ночи.

И после всех этих свиданий такое меня разочарование накрыло! А потом безразличие: может, ну их, те поиски?! Жил один до сих пор – и дальше проживу.

В общем, расстался я с мыслью найти жену даже с помощью свахи.

Но осталась все же последняя надежда – на вас, люди добрые: вдруг прочтете эту историю?! Как думаете, можно ли в наших краях жениться до сорока? И где найти ту, кого захочется к себе прижать, приголубить – и подарить сердце, руку, квартиру, машину и звезду с неба в придачу? Подскажите ей, что порядочный мужчина желает познакомиться. Век добра не забуду!

Сеанс гипноза

В деревню впервые приехал гипнотизер. Настоящий.

Небольшой актовый зал сельского Дома культуры быстро заполняется людьми, несмотря на то, что билеты на представление стоят недешево. Занавес открывается, представление начинается.

Столичные артисты угощают зрителей порцией песен и шуток: как говорят в артистической среде, разогревают зал. И вот, наконец, появляется долгожданный гипнотизер в ослепительно блестящем костюме. Зрители слушают его рассказ об успехах, достижениях и титулах. Затем гипнотизер вызывает на сцену самых смелых, кто готов уснуть перед честной публикой под его чутким присмотром.

Виталик ерзает в кресле. Самые смелые уже начали подниматься на сцену. Он тоже хотел бы оказаться среди них, испробовать на себе чары гипноза. Для него сейчас это важно. Вот прямо как в песне из фильма «Ирония судьбы»: «иметь или не иметь». В пятом ряду сидит Ленка Нупревич. А еще... еще это его шанс исполнить давнишнюю мечту – выступить перед публикой. Но удерживает то ли природная стеснительность, то ли дикая неуверенность в себе.

Наконец, Виталик преодолевает страхи, рывком поднимается с сидения и чуть ли не бежит на сцену – чтобы на ходу не испугаться собственного поступка и с позором не повернуть назад под хохот односельчан.

Гипнотизер усаживает смельчаков на стулья.

– Смотрите сюда! – поднимает он левую руку, в которой, поблескивая, двигается из стороны в сторону шарик на шнурочке. Голос артиста меняется, он начинает говорить нарочито медленно какие-то ничего не значащие слова, его правая рука рисует в воздухе замысловатые символы.

Виталик смотрит на шарик, руки, слушает артиста – и понимает, что с ним ничего не происходит. Краем глаза успевает заметить: у Ленки на лице застыло напряженно-выжидающее выражение. В голове проносится картинка со старухой-цыганкой, которая хотела выманить у него деньги. Она тоже пыталась использовать гипноз. Но он так посмотрел ей в глаза, что стало непонятно, кто кого гипнотизирует. Цыганка только плюнула, досадно махнула рукой и засемила от него ни с чем.

Вот и сейчас Виталик широко раскрытыми глазами пялится на гипнотизера, отчего тому становится явно не по себе.

– Закрывайте глаза. Вам тепло, хорошо, вы расслаблены. Спите... Спите...

Артист выразительно смотрит на упрямого подопытного, даже подмигивает, из чего Виталик заключает, что остальные уже закрыли глаза. Он послушно захлопывает свои, хотя все так же понимает, что с ним ничего не происходит. Пошевелил пальцами – шевелятся. Решил сдвинуть правую ногу в сторону соседа – двигается. Сосед в ответ не отреагировал: вырубился или тоже притворяется? Интересно, хоть на кого-нибудь подействовали чары по-настоящему?

Виталик слышит, как гипнотизер призывает встать со стула местную хорошую Татьяну Занько, назвав ее Аллой Пугачевой. Звучит запись песни с голосом певицы. Виталик чуть приоткрывает один глаз и наблюдает: Татьяна медленно двигается по сцене, делая вид, что поет, старательно изображает движения Пугачевой. Потом она «ест мороженое» и «пробует лимон».

Следующим номером выступает дядя Степа, дальний родственник Виталика. Вот он «жонглирует» невидимыми шариками, «рубит дрова» для баньки.

Толстая продавщица тетя Валя становится «воздушным шариком» и «улетает в небо», а затем «парит над землей» уже в образе птицы. Виталик слышит, как она, отфыркиваясь, садится рядом с ним на свой стул, а место в центре сцены и внимание публики захватывает

балагур Петька. Тот изображает стилигу, затем – кормящую маму. В зале сначала похихикивали, а теперь смеются.

Виталик чувствует легкое прикосновение к плечу руки гипнотизера и слышит:

– Выступает Лев Лещенко!

Звучит фонограмма с песней Лещенко.

Виталик вспоминает лицо Аленки Нупревич. «Если сейчас не встану – разочарую ее. Эх, была не была: все же думают, что я под гипнозом!» Он поднимается с места и с закрытыми глазами кривляется, изображая себя поющим в микрофон, вспоминая при этом, как двигается на сцене Лещенко. Зрителям, похоже, нравится то, что он делает: то тут, то там слышны одобряющие выкрики, смех и нестройные аплодисменты.

– А сейчас ты попал в жаркую Африку. Нестерпимо хочется кушать. Перед тобой пальма, на которой растут бананы. Ты досташь банан и с удовольствием съедашь его, – слышит Виталик адресованную ему команду.

Эти кривляния начинают даже нравиться. Вот тебе и участие в сценке самодеятельного театра! Ему давно хотелось записаться в театральный кружок. Но боялся, что не сможет играть «как надо», а выступать «как получится» не позволяла привычка все делать хорошо. Так и не решился хотя бы попробовать себя в желанном амплуа – до сегодняшнего звездного часа. Он в полном сознании, но так как никто этого не знает, может позволить любую вольность, проверить свою состоятельность как артиста.

Виталик «лезет на пальму», «соскальзывает» с нее, потирает руки, ходит «вокруг пальмы» в задумчивости, снимает рубашу и снова «лезет». Наконец «достает банан», ложится на пол, нога на ногу, рука – под голову. Свободной рукой подносит ко рту невидимый банан и начинает его есть, изображая невероятное наслаждение процессом.

Неизбалованному зрителю его импровизация нравится, похоже, больше других. Виталик слышит, как постепенно смех в зале перерастает в дружный хохот. Теперь главное – не засмеяться самому.

Когда гипнотизер дает команду занять свое место, Виталик слегка приоткрывает глаза и разыскивает в пятом ряду Ленку Нупревич. Она напряженно всматривается... в него! Виталик накрепко закрывает глаза, сердце бешено колотится.

– Внимание: просыпаемся! – будит гипнотизер сидящих на сцене. Его монотонный голос резко меняется на нарочито веселый, даже немного торжественный. – Не жалею ладошек для наших смельчаков! Они заслужили аплодисменты, – сверкает он белоснежной улыбкой.

Зрители активно хлопают в ладоши, выступающие проходят в зал, занимают места. Виталик шкурой ощущает, как провожает его Ленкин взгляд. Сердце все так же сбивается с ритма, но ведет себя молодой человек более уверенно. «Решено: записываюсь в театральный кружок!» – думает он.

В фойе после концерта знакомые парни крепкожимают Виталику руку, односельчане постарше улыбаются. Подбегает Ленка, восторженно тараторит:

– Виталик, ты так здорово пел и ел бананы! Прямо как артист из программы «Смеяться разрешается!» Есть там такой... фамилию забыла... Он еще пантомиму показывает. Слышал, как смеялись и аплодировали тебе? Ах, да, ты же ничего не слышал... В общем, сеанс гипноза удался!

Виталик смотрит на девушку и улыбается. Он-то знает: сеанс гипноза в самом деле удался, только не для него. Сама Ленка поддалась воздействию и обратила на него свое внимание. И вот же, вот: она стоит рядом, заглядывает в его глаза, старается прикоснуться. Сказать правду? Ни за что: не хочется разочаровывать. В конце концов, в душе каждого взрослого живет ребенок, которому нравятся волшебные истории.

Взрослые люди

Дождь редкими крупными каплями рассказывает зонту очередную историю. Шлеп-шлеп, пах-пах... Зонт слушает, но время от времени отвлекается от веселых рассказов друга: когда чувствует, как отчаянно сжимают его ручку тонкие белые пальчики девушки.

С хозяйкой вообще-то ему повезло. Таня любит красивые вещи и ценит их. Вот и за ним, старичком, следит как положено: расправляет крылышки, сушит на красивом крючке в уютном светлом уголке коридора. Только сухим он складывается и отправляется в тесноватый, но удобный футляр. Нынче, правда, залеживаться в нем не приходилось: конец лета и осень выдались дождливыми.

Зонт с радостью служит по-детски наивной, простодушной хозяйке. Иногда они весело перепрыгивают лужицы на асфальте, заглядывают в витрины дорогих магазинов, смехом отзываются на гул автомобилей и чириканье воробьев на ветках акации, прислушиваются к разговорам дождей: шлеп-шлеп, пах-пах...

Только в моменты, когда рядом появляется высокий дородный господин в костюме с галстуком, зонт чувствует себя одиноким. Этот тип не пришелся по нраву с первого дня встречи, когда остановил свой «бээмвэ» рядом с тротуаром и предложил спасти девушку от майского ливня. «Себе помогай, спасатель», – мысленно буркнул зонт. Но Таня быстро сложила его и нырнула в теплый салон, наполненный приторным запахом ароматизатора.

С тех пор все лето приходилось становиться свидетелем вечерних свиданий влюбленных. Они начинались с букетов белых лилий, которые любит его хозяйка, и страстных поцелуев прямо в салоне машины. «Таня, Танечка, не теряй голову», – не раз хотелось сказать наивной девчонке. Но дара говорить у зонта не было.

Позже он подружился с добротным дубовым стулом в дорогом ресторане недалеко от логова самоуверенного ухажера. Именно в это аккуратное, но холодное логово они направлялись после ужина.

Дальнейший ритуал с некоторых пор стал знакомым до мелочей. Мужчина открывал тяжелую железную дверь и чопорно приглашал гостью войти. Зонт отправлялся сохнуть на один из горделиво торчащих крючков темной помпезной вешалки. Чтобы поскорее сократить время, он призывал старческую дрему, сквозь которую к сознанию прорывалось щебетание тонкого голосочка. Чувственный баритон отвечал короткими фразами, раздавался девичий счастливый смех и напряженный стон дивана.

В такие моменты зонт уходил в себя: на территории для двоих третьему места нет.

Когда начинало светать, девушка выходила на цыпочках в прихожую и осторожно снимала его с крючка. Ступени лестничной площадки стремительно пролетали перед глазами, и вскоре они уже мчались на городском автобусе домой – Тане надо было собираться на работу.

Но сегодня что-то пошло не так. Тонкие пальчики снова напрягаются, сжимаются, дрожат, передавая зонту боль и страх. В оберегаемое пространство вдруг просачиваются сырость и холод: в распахнутых глазах девушки застывают две огромные капли влаги.

Старый зонт невольно прислушивается.

– А ребенок? Что мне с ним делать? – родной голосок срывается и сипит.

Лицо господина в галстуке искажает гримаса брезгливости и нетерпения.

– Ну, малыш... Ты сама знаешь, что делают в таких случаях. Мы же взрослые люди. Ах, да, – спохватывается он. Рука уверенно ныряет в карман за кожаным портмоне, потом энергично шуршит бумажками: – Возьми вот...

Таня не реагирует. Взгляд устремлен в неизвестное пространство за завесой дождя. Тонкая фигурка вдруг сутулится, будто на спину водрузили непомерный груз, обмякает. Девушка

медленно разворачивается и направляется в парк. Опускает руку, и тяжелые капли больно колотят по обратной стороне зонта.

Ему неприятно: дождь проникает в запретную зону. Но нужно терпеть. И зонт терпит, терпит... Ни одна спица не пищит даже когда пальчики девушки разжимаются. Он остается сиротливо лежать в мокрой траве на обочине тротуара. Но не обижается. Старый зонт многое видел на своем веку и понимает: хозяйка повзрослела. А многие несчастливые взрослые люди склонны причинять несчастья другим. Не специально. Просто не умеют иначе.

Марк и Виталина

Чего не сделаешь ради любви! Марк отважно шагнул на карниз под окном и, хватаясь за редкие выступы на стене, добрался до балкона соседней комнаты. Отсюда спуститься вниз было – раз плюнуть. Проще, чем прошмыгнуть мимо носа вахтерши.

Как он потом попадет назад на свой шестой этаж, Марк не думал. Позарез надо было увидеть Виталину, а карантин ломал все планы. И вообще, это сумасшествие вокруг невидимого коронавируса напрягало и раздражало. Ну, забрали в больницу пацана с температурой – с кем не бывает? Ну, изолировали контакты первого и второго уровней – и хватит. Зачем закрывать на карантин всю общагу? У него, можно сказать, судьба решается, а тут...

Так, размышляя, Марк перебежал проспект, пока светофор горел зеленым, и свернул в переулок. Мельком отметил, что людей в масках стало больше, а людей на улице – меньше. Но вдаваться в размышления по этому поводу не хотелось: его беспокоил вопрос гораздо более важный.

– Поговорила? – выдохнул Марк после приветственных объятий и поцелуев.

Виталина вздохнула.

– Поговорила. Только лучше бы молчала. Пришлось тайком выскользнуть из дома. Отец велел забрать заявление из ЗАГСа и выбросить дурь из головы. Грозился, что иначе запрет на замок и вообще никуда не пустит.

– Ясно, – Марк заметно приуныл. – Рожей, значит, не вышел для твоих родаков.

– Ну что ты, Марк! Они вовсе не против тебя. Только хотят, чтобы мы сначала закончили университеты, а тогда уже про семью думали.

Эти слова не взбодрили Марка, настроение, наоборот, упало. Хотя он ожидал такой реакции родителей Виталины: она минчанка, денег в семье хватает – а он кто? Из провинции, мать одна корячится на двух работах, чтобы учился. И куда после университета по распределению отправят, одному Богу известно. Угораздило же влюбиться в эту девушку. Столько вокруг других, почему только к ней тянет, как магнитом?

Пока Марк приводил в порядок мысли, Виталина выжидающе вглядывалась в него. Марк нежно погладил девушку по голове, как обычно гладила его мама.

– Чего бы они ни хотели, нам от этого не легче. Теперь в самом деле запрут под замок: ты же нарушила их запрет, сбежала.

– Наверное... – Виталина теснее прижалась к нему. – Мы с тобой прямо как Ромео и Джульетта: там тоже родители были против любви детей.

– Да, только мы – Марк и Виталина. И лично я не планирую уходить из жизни, даже если вдвоем. Планирую жить долго, счастливо и обязательно вместе. Слушай, – глаза Марка вдруг загорелись, – а ты говорила, что у вас где-то дача под Минском. Есть ключ?

– Запасной там спрятан, – удивленно ответила Виталина, не догадываясь, к чему он клонит.

– Давай исчезнем для мира, хотя бы на пару дней.

– А родители?

– Сэмэску сбрось. Типа, «все хорошо, не ищите».

Языки пламени алчно вылизали жизнь из березовых поленьев. Марк помешал железным прутом головешки в камине, подбросил еще дров, и вскоре в небольшой гостиной снова послышалось потрескивание. Огонь осветил журнальный столик, коробки из-под пиццы на нем, пустые пластиковые стаканы и бутылку с недопитым апельсиновым соком. Из темноты выступил и огромный диван, часть которого превратилась в их с Виталиной брачное ложе.

«Старомодно звучит – „ложе“, но лучше и не скажешь», – усмехнулся Марк. Виталина сладко посапывала во сне, и он осторожно пристроился рядом. Конечно, Марк совсем не так представлял их первые ночи. Но Виталина права: теперь родителям некуда будет деться – они позволят дочке выйти замуж за ее первого и единственного мужчину. В последнем факте Марк не сомневался, и это вызывало непередаваемые приливы нежности к той, что доверилась ему безоговорочно и бесповоротно.

Светлые волосы любимой пахли ромашкой и полынью. Было так приятно зарыться в них носом и вдыхать знакомые с детства, родные запахи. Но дзынькнул Виталинин телефон, и Марк схватил его, чтобы поскорее выключить звук. На дисплее высветилось «Мамочка». Почти сразу с этого же номера пришла сэмэска: «Виталина, ты на даче?».

Представив, какую картину увидят ее родители, если появятся на пороге, Марк быстро отписался: «Нет. Но со мной все в порядке, не волнуйтесь». И вскоре получил короткое: «Мы едем».

Марк вскочил с кровати, по-спортивному напялил майку и джинсы, сгреб остатки еды и грязную посуду.

– Солнышко мое, вставай, – прошептал на ухо Виталине, когда вернулся из кухни.

Та сонно поворчала, но глаза не открывала.

– Любимая, проснись, пожалуйста... времени нет. Родители едут.

Последние слова вмиг поднимали девушку на ноги. От волнения Виталина никак не могла попасть в рукава, и Марку пришлось помочь ей одеться. Пока Виталина зашнуровывала кроссовки, он сложил постельное белье, одеяло, забросил внутрь дивана. Теперь только огонь в камине выдавал их присутствие здесь, и графин воды, вылитой на поленья, не исправил положения.

Кромешная тьма плотно обступила и поглотила две тонкие фигурки. Хоть бы пара звездочек осветила небо – но ни их, ни луны не было. После жизни в городе, где фонари на каждом шагу не гаснут до самого утра, было непривычно двигаться в такой темноте. Казалось, что в мире остались только они одни. Но Марк знал, что это не так. Где-то уже совсем рядом те, кто способен в один миг разрушить их с Виталиной хрупкое единение. И, взяв девушку за руку, он уверенно шагнул за калитку.

На повороте к железнодорожной станции вдали мелькнул свет фар. Марк крепче сжал руку Виталины и нырнул в лесок на обочине. Испугавшись, что родители могли их заметить, он направился вглубь: только расстояние могло сейчас спасти от преследователей. Вытянув вперед руку и натываясь на деревья, Марк прокладывал дорогу к неизвестности. Да, к неизвестности. Именно сейчас, окруженный темнотой и деревьями, Марк остро почувствовал: он не знает, что их ждет завтра. Он – кто всегда намечал стратегию и выстраивал планы наперед! Сейчас не было плана, зато его, возможно, разыскивают не только родители Виталины, но и милиция – как сбежавшего из-под карантина.

Марк остановился, чтобы отдышаться и определить, где они и куда идти дальше. Виталина молча повиновалась. Он услышал тяжелое сопение и обнял любимую.

– Устала? – спросил шепотом, будто кто-то в этой лесной глуши мог их услышать.

– Есть маленько, – прошептала в ответ Виталина и неожиданно громко раскашлялась.

Марк еще плотнее прижал ее к себе. Он настороженно крутил головой, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Но со всех сторон доносились только шум и потрескивание полуголых берез да редких елей.

– Сейчас... сейчас что-нибудь придумаем, – утешал не столько девушку, сколько себя.

Из всего, что лезло в голову, наиболее разумной показалась мысль выбрать одно направление и идти по нему. Марк еще раз взглянул на небо, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь ориентиры. Одна непослушная звездочка вынырнула из-за облака и через триллионы километров подмигивала влюбленной парочке.

– Вот, смотри, родная, у нас и путеводитель есть, – протянул он руку к звезде. – Пойдем?
– Может, тут останемся? – вяло спросила Виталина.

– Нет, нельзя, еще заболеешь. Пошли, мы сейчас выйдем на дорогу, – ласково ответил он и снова взял ее за руку.

На этот раз Марк включил дисплей телефона Виталины, чтобы светить ей под ноги. Батарея его мобильного села еще на даче. Нужно было беречь и эту. Но Марк чувствовал, как тяжело дышит Виталина, и пытался хотя бы немного облегчить путь.

Только когда забрезжил рассвет, лес поредел и два уставших путника увидели вдали цепочку деревенских домиков.

Баба Нюра протупала от печи к столу, стараясь не расплескать горячий ароматный отвар.

– На, отнеси невесте, – протянула она Марку железную кружку. – Тут ромашка, иссоп. Сейчас медку еще достану, погоду.

Марк благодарно взглянул на старушку.

– У нее, наверное, обыкновенный грипп? – спросил с надеждой.

Накануне Виталина покашливала, но не сильно, и Марк решил, что она простыла во время путешествия в лесу. Хотя тревога появилась и не уходила.

– Может, грипп, а может, и та зараза, что по телевизору показывают, – ответила баба Нюра. – Так что ты не подходи слишком близко. На вот... – подала она сначала мед, а затем косынку. – Повязку сделай. По телевизору говорят, через кашель зараза распространяется, и руки надо часто мыть.

Такая забота совсем чужой женщины трогала до глубины души.

Вчера, когда, наконец, они с Виталиной вышли к деревне, в нескольких домах им не открыли двери. И только баба Нюра, хоть и жила одна, а не испугалась,пустила нежданных гостей. И приняла, как родных: накормила, уложила спать.

Весь день Марк и Виталина отсыпались и ели все, что предлагала гостеприимная хозяйка. Старушка оказалась общительной, словоохотливой. Втроем они много разговаривали, и ночные гости рассказали свою историю.

– Не обижайтесь на родителей, дети. Они беспокоятся. В жизни бывают тяжелые годы, но они проходят. Надо выстоять. И что бы ни было, любовь свою в обиду не давайте. Никому. Не все умеют любить. И не все умеют благословлять любовь, – сказала баба Нюра. – Мы с моим Трофимовичем тоже поженились без родительского благословения, а всю жизнь душа в душу прожили. Преставился сердечный, как раз на Рождество.

– А родители? Потом они приняли вашего Трофимовича? – спросила Виталина.

– А куда ж они делись... Не сразу, через много лет. Но приняли. Когда матери стало плохо, мой Трофимович намыкался, бегая с ней по дохтурам. И ни разу за всю жизнь слова плохого старикам не сказал. Вот к смерти они и раздумались... И ваши успокоятся, только потерпеть придется, – по-свойски обняла баба Нюра девушку. В этот момент ветер донес отдавленные звуки колоколов. – Правду говорю: вон, колокола подтверждают. Сюда их голоса редко долетают из соседней деревни.

Виталина повеселела, даже с аппетитом поела.

А ночью у нее поднялась температура. Баба Нюра немного сбила таблеткой и отварами, но к утру девушке стало еще хуже.

– Простите нас, – выдавил Марк, прикрывая лицо косынкой и завязывая ее на узел сзади. Старушка поняла, о чем он.

– Не переживай, милый. Чему быть – того не миновать. Коли суждено сейчас уйти к моему Трофимовичу – уйду, а даст Бог жизни – еще на вашей свадьбе погуляю. Ты только

не слушай Виталину и вызывай скорую. Я не дохтурка, на ноги своими чаями не поставлю. Дохтура кличь.

Марк ощутил, как к горлу подкатывает давящий ком. Почему с ним так случается? Все самое лучшее обязательно что-нибудь омрачит. Только две ночи назад он был на вершине блаженства – и вот уже дикий страх за жизнь и здоровье дорогого человека сжимает грудь и сердце. Не судьба прямо – американские горки.

Он набрал номер скорой и назвал адрес. Затем положил ложку меда в железную кружку с бабулиным отваром и понес Виталине. Розово-красные щеки явственно выдавали состояние девушки. Она приоткрыла глаза и ободряюще улыбнулась.

– Виталинка, я вызвал скорую.

Она попыталась возразить, но он перебил:

– Я уже позвонил, врач в пути.

В коридорах отделения, наскоро переоборудованного под пульмонологию, вдоль стен стояли кровати. Марк успел заметить это, когда врачи приемного покоя передавали девушку под присмотр коллег. У него тоже взяли анализ на коронавирус, оставалось дожидаться результата.

Марк включил мобильный Виталины, повертел его в руке: зарядки почти не осталось, надо звонить срочно. Набрал номер «Мамочка» и выдохнул в трубку главное: Виталинка в пульмонологии, назвал адрес больницы. На другом конце слышались женские всхлипывания, затем мужской голос встревоженно спросил:

– Вы кто?

– Я Марк.

– Так вот слушай меня, Марк... – забасила трубка угрожающе.

Но тут телефон издал характерный звук и отключился. Марк досадливо поморщился и положил его в карман: хотелось поговорить с отцом Виталины – прямо, по-мужски. Однако бездушной технике этого не понять.

– Вот вам, молодой человек, ручка. Подпишитесь-ка, что обязуетесь на две недели самоизолироваться, – положила перед ним медсестра лист бумаги. – Мест в больнице все равно не хватает, так что болеть будете дома. Вернее, в общежитии. Отдельную комнату вам обещали выделить. И смотрите, на этот раз без фокусов.

Марк опустил голову. Он уже изложил историю их с Виталиной передвижений, назвал имена немногих контактных лиц, с которыми общался в последние дни, и выслушал лекцию врача о преступном и безответственном поступке, который совершил. Побег из общежития, который еще совсем недавно казался героическим, теперь в самом деле представлялся в ином свете. Но что случилось, того не исправишь, только бы высшие силы спасли Виталину. Он готов был пережить любой разговор с ее грозным отцом и перетерпеть даже физическое внушение, если родителей это успокоит.

– Это он? Он? – услышал Марк, когда сидел уже в коридоре приемного покоя.

В его сторону направлялись врач, с которой общался Марк, светловолосая женщина, чьи глаза удивительно напоминали глаза любимой, и решительного вида мужчина.

– Ты... Ты... Ничтожество! Я тебя, как червя, по асфальту раскатаю, – прогрохотал басом Виталинин отец, когда оказался рядом с причиной его родительских переживаний.

И Марку показалось, что он воочию видит, как брызжет от негодования слюна из-под маски на одутловатом лице.

– Я люблю вашу дочь и хочу жениться, – он встал с кушетки и постарался проговорить это как можно спокойнее, жестче.

– Вот тебе! – мужчина ткнул парню в нос кукиш. – А если Виталина умрет, сдохнешь и ты. Но даже после смерти я не дам тебе покоя, – испепелял Марка взглядом обозленный родитель.

– Миша... нельзя так, – тихо плакала рядом светловолосая женщина.

– А как можно? Как, скажи, можно с убийцей?

Последнее слово так больно стегануло по изболевшейся душе, что Марк сорвался с места и бросился к выходу.

– Куда? – услышал он голос врача.

Но ноги уже несли дальше и дальше от больницы. Он – убийца... убийца! Ее отец прав. Он почти убил ту, за которую готов отдать жизнь. Нет прощения, нет прощения, нет...

Мимо него проносились маски, маски, маски: зубастые и в цветочек, черные и цветные. На ходу сорвав медицинскую маску с себя, Марк замахнулся ею и хотел-было выбросить, но передумал: он готов носить эти повязки хоть полжизни, лишь бы Виталина выздоровела.

Звон колоколов неожиданно раздался почти над головой и стремительно ворвался в суетливый быт города. Марк остановился и огляделся: какая сила переместила его сюда? Для чего? Не для того ли, чтобы услышать этот колокольный звон?

Вспомнились добрые глаза бабы Нюры и ее слова: «В жизни бывают тяжелые годы, но они проходят. Надо выстоять. И что бы ни было, любовь свою в обиду не давайте. Никому».

Слева сосредоточенно и терпеливо несла свои воды Свислочь, справа нежились в лучах весеннего солнца купола храма.

Среднее арифметическое

Вой милицейской сирены издали пробрался в сознание. Он усиливался до тех пор, пока не показался нестерпимым. Ангелина медленно, с трудом открыла глаза. На фоне голубого весеннего неба сквозь постепенно рассеивающийся туман проявлялось чье-то склоненное лицо.

– Боревиц, Ангелина, ты, что ли? – козырек милицейской фуражки весело приподнялся над взлетевшими бровями.

В нее напряженно вглядывались опущенные густыми ресницами серые глаза бывшего одноклассника Вадима Данько.

– Что, так изменилась?

Слабая попытка улыбнуться вызвала резкую боль в щеке. Ангелина хотела потрогать больное место, но с удивлением обнаружила, что не может поднять правую руку. В левой, машинально сжимающей ремешок сумочки, тоже ощущалась нарастающая боль.

– Тихо-тихо, постарайся пока не шевелиться, – легко коснулся плеча Вадим. – Нет, ты почти не изменилась. Только...

Он замялся и не договорил, деликатно сосредоточившись на куртке, которую подкладывал Ангелине под голову.

– Ох, живая... – сдавленно пробормотал кто-то слева.

Повернув голову, Ангелина увидела сидящего на корточках мужчину. Руки его дрожали, на ресницах повисли слезинки. Он счастливо, полублаженно улыбался, глядя на нее.

– Именно: живая, – распевно протянул женский голос из редкой толпы зевак, окруживших их. – А щеку и зашить можно. Невелика красавица-то, на модных подиумах, поди, не выступает.

– Главное, в рубашке родилась, понимаете ли, – оторвался на мгновение от смартфона и пискнул в ответ рыжеватый очкарик.

До Ангелины, наконец, дошло, что лежит на асфальте в довольно неудобной позе и не чувствует сил изменить ее.

– Что случилось? – спросила едва слышно.

Вадим не успел ответить: в ее голове тут же вспыхнула картинка – дорога, грузовая машина и ребенок лет пяти, который несется под колеса вслед за улетающим шариком.

– Где девочка? – задала новый вопрос.

– Ну, раз спрашиваешь, значит, все вспомнила, – открыто, на все тридцать два зуба, как когда-то в школе, улыбнулся Вадим. – Жива и почти невредима девочка. Вон, с мамой, – кивнул он в сторону.

– Не сильно ушиблась?

– Коленки и локти поцарапала, а так в порядке, – ответил Вадим. – Ты не верти головой. Вдруг сотрясение. Дождись врача, ок?

Легонько кивнув, Ангелина устало закрыла глаза. Голова в самом деле побаливала. Еще бы: грузовик отбросил ее на пару метров. И, кажется, это водитель так счастлив видеть пострадавшую в ДТП живой. А как же, есть шансы не сесть на нары. Хотя это было бы несправедливо: он вовсе не виноват. И никто не виноват, если разобраться. Случается же такое.

В подтверждение своих мыслей Ангелина услышала, как мама девочки рассказывает, что остановилась помочь прохожему: тот спрашивал, как пройти по нужному адресу.

– Я на минуту отвлеклась от дочки, и именно в это время шарик выскользнул и полетел в сторону проезжей части. А ребенок есть ребенок, с него спрос небольшой.

Короткий эмоциональный монолог завершился нервным всхлипыванием.

Слабость нарастала, начал бить легкий озноб, и Ангелина не открывала глаза. Вадим попросил людей не расходиться и теперь записывал данные свидетелей. Она слушала голоса и пыталась представить, кому из тех, кого успела приметить, они принадлежали.

– Это точно, дитенок в мгновение ока выбежал на дорогу. Тут стояла при мамке – тут уж под машиной. Вот дети пошли: глаз да глаз нужен, – этот напевный голос две минуты назад небрежно снял Ангелину с «модных подиумов».

– Чё произошло, я не видела, – гнусавил молодой голос. – Но слышала, как визгнули тормоза и заплакала мелкая. Сморю, лежит эта бабца. И кровища...

«Это бледная девушка с выкрашенными черной помадой губами в латексной юбке и кружевной блузке, – подумала Ангелина. – Из готов, видимо».

– О, о, видела она. Жвачку сначала выплюнь да лицо приведи в порядок! – назидательно заверещала дородная дама лет шестидесяти с пышным начесом волос. – Записывайте мой адрес, я все расскажу, – наседала она на милиционера.

– Если б не эта женщина... Эх... – вступил в диалог мужчина.

Этот тенор показался незнакомым, и Ангелина решила, что он принадлежит пожилому дяденьке интеллигентного вида в кепочке, который до этого стоял в стороне.

– Не дрейфь, ты тоже сделал все, что мог. Если надо будет, я в суде подтверждаю, – попытался он поддержать водителя.

– Да уж... – несчастно отозвался тот.

– Я буду у вас за главного свидетеля, понимаете ли. Пишите: Мисюткин Валерий Игнатьевич, да, – пискляво встрял рыжеватый очкарик, перебивая остальных. – Валерий Игнатьевич! – суетливо повторял он с нажимом на отчество.

– С чего это «за главного»? Все вы тут... главные, – отозвался, наконец, Вадим.

И Ангелина представила, как изогнулись в язвительной полуулыбке губы одноклассника.

– Не угадали, понимаете ли. У меня есть то, чего ни у кого нет. Вот! Видели?

Это прозвучало так торжествующе, что Ангелина не вытерпела, с трудом приоткрыла глаза. Мисюткин демонстративно вытянул руку со смартфоном:

– Видео! В соцсети всю смотрят. Только сбросил – а уже сотни лайков!

– Какое видео? Кто лайкает? Дайте-ка, – Вадим взял смартфон и вскоре пронзил Мисюткина взглядом. – Вы снимали, гражданин?

Тот пожал плечами:

– Само собой. Я вот тут, рядом стоял. Вижу, девчонка... Камеру на нее навел. Смотрю, а за ней эта женщина от воон той машины рванула, – широко размахивал руками Мисюткин. – Ррраз – и отбросила малую на пешеходную дорожку. А сама не успела, понимаете ли.

– Нет, не понимаю, понимаете ли, – передразнил Вадим неприятного типа. – Пока, значит, женщина рисковала жизнью, вы, находясь ближе к ребенку, занимались фотосъемкой, так?

– А я, понима... – начал было Мисюткин и, споткнувшись, на секунду замолчал. Затем набрал в легкие побольше воздуха и обиженно взвизгнул: – Я не самоубийца, чтоб под колеса грузовика лезть!

– Гражданин Мисюткин, немедленно... прямо сейчас уберите видео из интернета и предоставьте милиции как вещественное доказательство, – едва сдерживая гнев, сквозь зубы процедил Вадим.

Очкарик нервно мотнул головой и попытался отстоять право на публичное признание:

– Как же убрать... а лайки...

– Я сказал, убрать! – повысив тон, скомандовал Вадим. – Вы не самоубийца, вы... вы... – Он не нашелся, как высказать презрение, сквозившее в интонации, и только махнул рукой.

«Честь мундира не позволила вернуть острое словцо, на которое всегда был легок? – подумала Ангелина. – Ах, Вадим, Вадим, ни капельки не изменился». Она грустно, прерывисто вздохнула, вспоминая свою первую любовь – молчаливую и несчастную.

Дерзкий красавец прибыл в их школу в конце десятого класса, и с тех пор до выпускного вечера не было дня, чтобы сердце Ангелины не забилося учащенно при взгляде на него или воспоминании. Кто сказал, что первые чувства несерьезны, быстро выветриваются? Не тут-то было. И сейчас, через семь лет после того, как расстались, сердце беспокойно трепыхается просто оттого, что Вадим рядом. Все, как тогда.

Ангелина вспомнила, как готова была провалиться сквозь землю, когда подружка Ритка ляпнула:

– Ты бы хоть сегодня на свидание пригласил Ангелину, иссохлась по тебе вся. А то разойдемся-разлетимся – и поминай, как звали.

Они втроем стояли на пригорке у озера и смотрели вдаль, откуда сонно выкатывалось солнце. Чуть поодаль сустились одноклассники, разжигая костер, и Ангелина благодарила Бога, что этого разговора никто больше не слышал. Хотя, конечно, никакой гарантии, что о нем не узнают: Ритка не умела держать язык за зубами.

– Кого на свидание – ее, что ли?

Вадим презрительно кивнул в сторону Ангелины. Она почувствовала, как лицо пошло сначала красными пятнами, а затем вовсе залилось краской, словно кто-то обжег его, и отвернулась. Эта глупая неконтролируемая реакция организма заставила еще больше страдать, хотя и так жертва односторонней любви ощущала себя самой несчастной в мире. Вот он, желанный и недостижимый, стоит рядом и говорит так, будто ее нет, будто она – пустое место.

– И что я с этой зубрилкой делать буду? Она же вечно тише воды ниже травы. Так, среднее арифметическое. А мне нравятся яркие, харизматичные девушки – вот как ты, Ритка, – Вадим легко приобнял подружку за талию и ущипнул. – А что, придешь ко мне на свидание? Сегодня в девять, в парке, у беседки.

Рита вывернулась из объятий и легко оттолкнула ухажера.

– Ах, ты так? – Вадим схватил ее руки и скрутил за спиной.

За шутливой потасовкой они не заметили, как слезы брызнули из глаз Ангелины. Хотелось умереть. Вот прямо там же. Чтобы хоть на миг Вадим обратил на нее внимание, заметил существование.

Но разве можно замечать «среднее арифметическое»? Харизматичная Ритка, веселая и бесшабашная Машка, нагловатая Верка – такие девушки удосуживались его внимания.

Ангелина попятилась с пригорка в лесок за спиной и, спрятавшись за кустами, припустила домой. Слезы застили дорогу, в их капельках преломлялись лучи восходящего солнца, играя всеми цветами радуги и глупо контрастируя с тем, что не давало дышать на полную грудь, молоточками стучало в висках.

Таким был ее первый рассвет новой жизни: одновременно тяжелым, горьким – и ярким, цветным.

Потом она долго и безуспешно гнала от себя воспоминания, старалась забыть дурацкие слова. Но они, назойливые, беспощадные, преследовали. И время от времени Ангелина ловила себя на том, что все еще доказывает миру, а главное, ему, Вадиму: она – не среднее арифметическое, она многое может. Университет и красный диплом, бизнес и собственная фабрика, просторная квартира в элитном доме и новенький «Лексус».

В общем, все, кроме личного счастья. Оно, как волшебная птица, постоянно ускользало, оставляя в руках только разноцветные перья, которые не приносили душе ни пользы, ни радости.

...В воспоминания и размышления, которые становились все более хаотичными, спутанными, снова ворвался рев сирены. Послышался скрип тормозов рядом. Молодой врач скорой помощи, быстро оценив ситуацию, распорядился принести носилки и приготовить капельницу.

Ангелина слышала, как Вадим уточняет, в какую больницу ее увезут. Затем почувствовала, как будто поплыла над землей – санитары понесли ее в машину.

– Вы наш ангел-спаситель, Ангелина, – бросилась к носилкам мама девочки. – Спасибо вам. Мы придем. Обязательно вас навестим.

Сил отвечать оставалось все меньше, побелевшими губами она улыбнулась женщине и заплаканной девчужке, которая словно прилипла к маме.

– Держись, Ангелина. Ты у нас – герой, – подошел Вадим и ободряюще пожал ее пальцы. – И ты лучшая в мире, – последние слова явно дались с трудом, лицо залила краска.

– А я думала... думала, что среднее арифметическое, – неожиданно для себя выпалила Ангелина.

Ей показалось, будто в глазах напротив проскользнул испуг. Вадим в один миг потерял уверенность, съежился, словно замерз, уменьшился. Затем решительно наклонился к ней и торопливо, сбивчиво зашептал, обжигая дыханием:

– Я вспоминал потом об этом не раз. Но не решился искать тебя. Думал, не простишь. Я дурак. Ты единственная, кого любил тогда. И сейчас... Боялся признаться, показать чувства... и так глупо... В общем, ты прости. Если можешь, конечно.

Ангелина прошелестела губами в ответ:

– Я давно простила.

Вадим порывался еще что-то сказать, но не успел.

– Товарищ милиционер, посторонитесь, – оттеснил его врач. – У вас будет время взять показания.

Дверь машины захлопнулась, и скорая, завывая сиреной, рванула с места.

Свадебный подарок

На свадьбу Карина пригласила подругу заранее. Спросила:

– Лерка, будешь у нас свидетельницей?

Та, долго не думая, кивнула.

– Ой, спасибо тебе! Кто ж, как не лучшая подруга, подпись поставит, – обняла ее Карина и прошептала в самое ухо: – Я такая счастливая, что даже не верится. Владик... он лучший!

– Рада за вас, – ответила объятием Валерия. Потом, взяв подругу за руки, торжественно произнесла: – И тебе тоже спасибо: мне еще никогда не приходилось выполнять такую почетную миссию.

Что поделать: любила Валерия покрасоваться на публике, а тут такая возможность побывать на виду у сотни человек! Потому готовиться к важному мероприятию начала сразу же и, как водится, принялась за список дел.

Со свадебным подарком не заморачивалась: молодежь обычно дарит деньги. Лучше пусть новобрачные купят то, что надо, а не думают, куда девать чайные сервизы. Оставалось определиться с суммой. Посоветовавшись с более опытными подружками, остановилась на ста долларах и отложила их. Нашла в интернете несколько веселых розыгрышей на момент, когда будут выкупать невесту. Реквизит требовался несложный: тазик – он есть в любом доме, два листа ватмана, маркеры да несколько воздушных шариков.

Запланированные покупки и дела зафиксировала в онлайн-списке с подзаголовком «Успеть до свадьбы». Среди важнейших пунктов значились «записаться к парикмахеру и визажисту», «купить платье и туфли», «заказать цветы для невесты». Справа в столбик проставила примерные цены покупок и услуг – программа сразу же выдала примерную общую сумму. Валерия округлила ее в меньшую сторону, чтобы пресечь попытки сорить деньгами.

Время пролетело быстро. Рядом со строчками в списке дел появились плюсики, что не могло не радовать.

Накануне свадьбы Валерия еще раз примерила наряд. Новое платье из тонкого серого льна с маленькими розочками и красной каймой приятно облегало тело, его пышная юбочка выгодно подчеркивала тонкую талию. И без того модельные ножки казались еще длиннее и стройнее благодаря красным туфелькам на шпильке. Серебристую сумочку, как и серебряную цепочку с сережками, Валерия купила внепланово, но иначе было никак нельзя – эти вещи завершали образ.

– Смотрится волшебно, – довольно сообщила Валерия отражению в зеркале.

Одно вызывало тревогу: столбец с расходами указывал на то, что свадьба подруги влетает в круглую копеечку. Конечно, у банковского работника в целом неплохая зарплата. Но большие траты все же не входили в планы Валерии.

Немного подумав, она достала из шкатулки стодолларовую купюру, приготовленную в качестве свадебного подарка, повертела ее в руках и, аккуратно разгладив, положила назад. Вместо нее извлекла из кошелька бумажку в пятьдесят долларов и аккуратно вложила в карманчик сумочки. Стало легче дышать, настроение улучшилось. Беспокоило только, что подружки могут осудить за жадность. «Не жадность, а бережливость», – мысленно поспорила с ними Валерия. Но все-таки сбегала на почту за ярким конвертом. По дороге домой забрала шикарные розы, заказанные заранее: букет предстояло вручать в ЗАГСе, на виду у людей, тут скупиться и экономить Валерия не могла. Дома цветы просто перевязала длинной блестящей лентой – так нравится Кристине. Все, с расходами покончено.

Перед сном Валерия еще раз пробежалась глазами по крайнему столбцу с цифрами. Цена наряда не смущала: уж точно свидетельница не будет выглядеть бедной Золушкой. Чуть поправила дело вполтину уменьшенный подарок молодоженам. Но к потраченным суммам приплю-

совалась стоимость букета, что вызвало новый приступ недовольства. Валерия посчитала, что продавец взяла за цветы неоправданно много денег: все-таки апрель за окном, а не декабрь, можно цены и снизить. Парикмахер, стилист и маникюрша вовсе показались рвачами, которые собирались разбогатеть на ее заказах. Но – хочешь быть в центре внимания, нужно подавать себя красиво, а следовательно, и платить за это немало.

На чем же тогда можно сэкономить? Валерия задумалась ненадолго, затем достала из конверта пятьдесят долларов и положила туда купюру двадцатидолларового достоинства. В конце концов, свадьбу она не объест, из спиртного хватит бокала вина – незачем и тратить на такой дорогой подарок. Удовлетворенно вздохнув, отправилась в кровать.

Ночью снились деньги. Много-много двадцатидолларовых купюр. Ими Валерия расплачивалась за шикарные наряды, туристические путевки и обалденный автомобиль, который нес ее к сказочному счастью. На одной ценной бумажке худощавое лицо Эндрю Джексона вдруг ожило и повернулось в сторону Валерии. «Двадцать долларов – это ого-го!» – седьмой президент США значительно поднял вверх кулак и потряс им.

Солнечный луч скользнул в комнату через щелочку между шторами: день обещал быть светлым и теплым. Валерия потянулась и сладко зевнула. Вспомнив про сон, вскочила с кровати и босиком прошлепала в гостиную, где на диване еще с вечера разложила наряд. Извлекая из сумочки конверт, подумала, что у нее нет лишних денег, чтобы разбрасываться ими, – и наполовину уменьшила последнюю сумму своего свадебного подарка.

Уже собираясь выходить из дома, Валерия еще раз заглянула в подсчеты. Приятно порадовал крайний столбик, сумма которого сильно приблизилась к заявленной изначально. Захотелось напоследок еще хоть чуточку уменьшить циферку. Но ничто уже не могло справиться с этой задачей. Кроме разве что...

Валерия достала из кошелька долларовую купюру, повертела ее так и этак. Сомнения сморщили низкий лоб, свели к переносице модно выкрашенные брови. Будет ли считаться подарком один доллар? С одной стороны, это маленькая сумма, на нее можно купить только полторы буханки хлеба. С другой – это все-таки деньги, а любые деньги надо уважать.

Долгие размышления никогда не смущали практичный мозг Валерии. Пробормотав «копейка рубль бережет», она торжественно вложила в конверт купюру в один доллар, весело щелкнула замком сумочки и выпорхнула из квартиры.

Карина вскочила с дивана и бросилась навстречу подруге:

– Лерка, как хорошо, что ты пришла раньше. Вот уж не думала, что буду так волноваться.

– Все невесты немного волнуются. Не каждый день выходят замуж, – улыбнулась Валерия.

– С тобой мне спокойнее. Спасибо... Боже, чуть не забыла! – неожиданно всплеснула ладонями Карина и метнулась к большой коробке в углу. – Здесь украшения для машины, – подала она небольшой пакет.

Вскоре на плечо Валерии легла красная лента с надписью «Почетный свидетель».

– А эту сама повяжешь свидетелю, – сказала невеста, передавая Валерии синюю ленту. И заговорщически прошептала: – Парень замечательный, не теряйся. Тем более, ты сегодня сногшибательно выглядишь!

– Да ладно, – немного смутилась Валерия. – А вот над тобой парикмахер и стилист потрудились на славу – Влад упадет, когда увидит.

– Ты так думаешь?

– А что тут думать. Тебе достаточно взглянуть на себя в зеркало, – тоном знатока произнесла Валерия и не удержалась, чтобы не спросить, иронично поджав подкрашенные губки: – Наверное, бешеные деньги взяли эти ваятели праздничного образа?

– Как сказать, – лицо Карины посветлело от улыбки. – Они в самом деле мастера. И работали воодушевленно. Я им благодарна. Волнуюсь только, чтобы всю эту красоту не испортить. Тем более, говорят, невесте нельзя самой надевать наряд.

– Поверь, твои волнения – пустые, – молвила Валерия. – Вон идут девочки. Мы со Светкой завершим создавать образ самой красивой невесты города, остальные украсят машины. Все будет чики-чики. Обещаю.

– Ты – лучшая, – прошептала Карина и облегченно вздохнула.

Свадьба прошла как по нотам. К вечеру, когда гости немного подустали от веселья, над столами в очередной раз послышался зычный голос свата – розовощекого добродушного коlobка, который блестяще исполнял свою роль:

– Свадьба наша и пела, и плясала, и места ей было мало. Но все имеет свой финал. По традиции предков, пришло время щедро одарить молодых. А они каждого из нас отблагодарят куском вкусного хлеба. Прошу внести каравай!

Заиграла мелодичная музыка. Из кухонного проема показались два друга жениха. В руках они несли поднос, на котором лежал вышитый ручник и возвышался огромный, мастерски украшенный свадебный каравай. Парни, сопровождаемые шлейфом запаха из ванилина и дрожжей, покружились по залу и поставили поднос на стол перед молодыми.

– Что, гостики, приуныли? Хорошо было гулять и веселиться? Пришло время деньгами делиться, – зазвенел бодрый голос свахи.

С ней отношения у Валерии не заладились с самого начала. Дородная деревенская тетка почти гренадерского роста еще в ЗАГСе наступила свидетельнице на ногу, отчего та взвыла и ненавидяще зыркнула на обидчицу.

– Проститя... что мало, – сваха закатилась смехом, обнажив конские зубы.

– Корова, – брезгливо поморщилась Валерия.

– Приятно познакомиться, я – Клавдия Семеновна! – тут же ответила на выпад свахи и, снова загоготав, удалилась.

Весь вечер дамы обменивались колкостями. И теперь Валерия высокомерно скривилась, передернула плечиками и отвернулась от странной конкурентки за внимание публики.

– Знаю, знаю, отчего не веселы, – тем временем зычно подначивала гостей гренадерша. – Не зря говорят: как приходит время дарить – так пусть оно лучше сгорит!

Сват с готовностью включился в веселую перепалку:

– Наши гости не такие! Они с радостью помогут молодой семье окрепнуть финансово. Знаешь, какие подарки они приготовили?!

– Неужто сват знает? – сваха кокетливо подбоченилась и поиграла глазками. – И какие же?

– Подарки – ого-го! – сват поднял вверх кулак и значительно потряс им.

На миг Валерии показалось, что это – кулак Эндрю Джексона из сна. В груди шевельнулось легкое волнение. Захотелось вернуть в конверт двадцатидолларовую купюру, которую прихватила с собой на всякий случай. Но гости уже начали доставать из карманов кто просто деньги, а кто и яркие конвертики. «Мой конверт затеряется среди других, и никто ничего не узнает», – успокоила себя девушка.

По традиции, первыми одаривали новобрачных родители: они совместно купили двухкомнатную квартиру, чем вызвали одобрительный гул гостей и разбудили червячка зависти в сердце Валерии. Потом подходили к микрофону многочисленные родственники, вручали молодым паспорта на домашнюю технику, сервизы с одеялами, деньги. Увиденное окончательно усмирило сомнения Валерии: с такими подарками подруга точно не забедствует.

После соседей в очередь к столу молодоженов выстроилась, наконец, молодежь. Сват объявил:

– На каравай, Божий дар, приглашаются почетные свидетели наших молодых!

Свидетель положил свои сто долларов на деньги, которые уже лежали в тарелке с красивым платочком, и бодренько пожелал молодым «любви, счастья и кучу розовощеких карапузов». Сват подал ему рюмку с водкой, сваха – каравай. Чмокнув в щечку невесту и пожав руку жениху, свидетель отошел в сторону, уступая место для поздравлений подружке.

Чувствуя на себе восхищенные взгляды, осознавая собственную красоту, Валерия приняла гордую позу, которая, по ее разумению, соответствовала торжественности момента, манерно повела свободной ручкой и выразительно, «с чувством, с толком, с расстановкой» прочитала заготовленное стихотворение:

– Большая честь мне выпала – свидетельница я:

Женой сегодня стала подруженька моя.

Все собрались тут: близкие, родные и друзья.

Желают, чтобы крепкой была ваша семья.

И я желаю путь пройти, любовь в душе храня.

Подарок к поздравлению примите от меня.

Будьте счастливы! – заключила она, положив перед молодыми красивый конвертик.

Любопытная сваха тут же его схватила и заголосила:

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, насколько щедра наша бесценная свидетельница!

Глаза Валерии метнули молнии, она попыталась выхватить конверт. Но сваха резко подняла руку над головой – и ни каблуки, ни отчаянный прыжок свидетельнице не помогли. Зато ее финт еще больше раззадорил зловредную тетку.

– Что такое? Неужели свадебный подарок может быть секретным? – сваха подняла вторую руку, открыла конверт – и вскоре на всеобщее обозрение представила злополучный доллар.

– Даже та-а-ак?... – разнесся по залу выдох свата, многократно усиленный микрофоном.

Гости напряглись, пытаясь осознать, что происходит. Сваха покрутила над головой рукой со скромной купюрой и оглушительно громко, ехидно проверещала:

– Свидетельница подарила новобрачным один доллар! Целый доллар! И как только не обеднела?

Наступившая тишина сдавила Валерию со всех сторон. Лицо девушки побагровело, уши запылали красными флагами. Она исподлобья взглянула на молодых. Рот Влада скривился в презрительной ухмылке. Кристинины накладные ресницы раз за разом хлопали, будто кукольные, лицо вытянулось.

«Глупая курица», – мысленно выругалась Валерия. Хотя в этот момент сама не поняла, подруге или себе адресовала столь нелестную характеристику. Ей хотелось провалиться в преисподнюю. Но ресторанный пол не разверзся. Даже когда сваха зло сунула доллар обратно в руки Валерии:

– На, заberi на хлеб.

Сама так хотела

Они не виделись, казалось, лет сто. И вдруг нос к носу столкнулись у ближайшего к дому магазина. Сергей схватил ее в охапку и закружил на глазах удивленных прохожих:

– Наташка-а-а...

Она пожалела, что не уложила волосы, не подвела глаза, выскочила, в чем была, на пять минут за продуктами, как только уснула трехлетняя дочурка.

Слово за слово, и Наташа узнала, что Сергей приехал домой на пару дней: на могилки родителей сходить, просто подышать родным воздухом. Стало понятно, почему так долго нигде не пересекались, хотя городок совсем маленький: старый верный друг перебрался жить в Россию, в Королев.

– А ты как? – спросил он.

Вместо ответа Наташа призналась, что не может долго гулять – дома спит дочка, и предложила:

– Давай ко мне на чай, а?

– Конечно. Я же вольный, как ветер! Прежде за тортиком зайдём, лады?

– Я как раз шла в магазин...

По дороге домой Сергей коротко рассказал об удивительном городе космонавтов, о стройке, где он работал прорабом, и о том, как поначалу сложно пришлось беларусу в чужой стране. Теперь он прижился, хорошо зарабатывает. И если бы не тянуло так на родину, было бы вообще все супер.

Наташа слушала и не узнавала: тот ли это молчаливый паренек, который когда-то смотрел на нее зачарованно, как на икону, волновался и краснел, когда она обращала на него внимание? Красавцем Сергей не был: обычный, среднестатистический. Из толпы, правда, выделялся – выразительными бархатно-вишневыми глазами и слишком длинным носом. Этот нос, как тогда казалось, портил всю картинку. Наташа вспомнила, как некорректно повела себя, когда Сергей признался ей в любви и попытался поцеловать.

– Вот еще! Твой нос будет мешать целоваться, – взбрыкнула она молодой козочкой. Поняв, что сморозила глупость, добавила извиняющимся голосом: – Сереж, на самом деле, ты мне, как друг... даже брат... Мне всегда так хотелось брата! Но с братьями же не целуются.

Он извинился и больше ни разу не предпринял подобной попытки, хотя всегда оказывался рядом в нужный момент.

Пока она не вышла замуж.

Свадьба была пышная, многолюдная и шумная. Три дня пролетели, как во сне: подвенечное платье, лица, музыка и бесконечное застолье. Наташа устала, казалось, что это – сон, она почти никого не замечала и ни о чем не думала. Лицо Сергея мелькнуло пару раз в апатичном, неповоротливом сознании, но она не заметила боли в глазах и непривычно-скованных движений.

Позже, перебирая подарки, Наташа наткнулась на подаренную им открытку с деньгами и скромной подписью: «Желаю любви и счастья в личной жизни». Среди воспоминаний-обрывков многоголосого веселья чудом застряли в памяти и в этот миг явственно воскресли перед мысленным взором и эти глаза, и знакомая фигура, будто парализованная сразу на обе стороны.

А потом Сергей просто исчез из ее жизни. Испарился. Сначала закрутила послесвадебная суеда и Наташа не обратила на это внимания. Но со временем его стало не хватать. Особенно когда бывало трудно, когда требовались толковый совет и поддержка или хотя бы понимающее молчание друга.

И вот он снова шел рядом с ней – уже не паренек, а уверенный в себе, обаятельный мужчина. Рассказывал интересные истории, успевал подхватить за локоть на ступеньках и при-

держат на переходе, вовремя заметив машину. Эти прикосновения вызвали волны тепла в теле и сбивали с нормального ритма дыхание. Теперь Наталья смотрела на него зачарованно, и от неожиданного волнения не смогла попасть ключом в замочную скважину.

– Подержи-ка, – Сергей передал ей пакеты с покупками и вскоре распахнул дверь. – Там-тара-рам – входи!

Дочурка спала. Гость взглянул на девочку, улыбнулся и тихо прошептал:

– Такая же красивая, как мама.

Они на цыпочках прошли в кухню, прикрыли дверь.

Вскоре на столе появились торт, фрукты, конфеты. Наталья накормила Сергея картофельной запеканкой, он похвалил ее кулинарные умения. Они вспоминали друзей, ситуации из юности и смеялись, как дети. Будто вернулось то счастливое, беззаботное время, будто и не расставались надолго.

Когда закипел чайник и чашки наполнились ароматным чаем, Сергей спросил:

– Почему ничего не рассказываешь о семье? Как ты живешь?

С лица Натальи мгновенно слетела улыбка, по телу пробежали мурашки. Появилось ощущение, будто в жаркий солнечный день ее с головы до ног окатили ледяной водой.

– Да... как-то живу, – ответила неопределенно.

– Муж на работе?

– Может, на работе, может – нет... Не знаю... ничего не знаю.

– Он, надеюсь, не приревнует тебя? – Сергей немного наклонил голову, вглядываясь в ее лицо.

– Да мне плевать! Пусть себя ревнует. К своим...

Она нервно вскочила из-за стола, отвернувшись к шкафу, будто срочно понадобилось что-то взять. Взгляд растерянно побродил по полкам. Машинально схватила баночку с медом, поставила на стол:

– Любишь? Я когда-то в детстве мед терпеть не могла. А теперь иногда могу съесть ложечку.

Сергей промолчал. Размешал сахар в чашке. Их глаза встретились.

– Что, все так плохо?

Наталье показалось, что никуда не деться от этих глаз, пронизывающих, как рентген, а попытки увертываться от ответов лишь убеждают в плачевности ситуации. И все же она колебалась: стоит ли ее с мужем семейные проблемы перекладывать на чужие плечи? Развернула одну конфету, не доев, развернула вторую.

Сергей молча наблюдал за ней и явно ждал ответа.

– Знаешь, Сережка, мне казалось, что семья – это когда доверяешь друг другу, – наконец заговорила Наталья, растягивая фразы, тщательно подбирая слова. – А я живу с человеком уже пять лет – и почти ничего о нем не знаю. Приходят какие-то странные люди, он уходит непонятно с кем, непонятно куда и почему. Чем занимается, где работает? Так... приносит какие-то жалкие гроши, а все остальное уходит на бешеные долги. Даже мои «детские».

– Какие долги?

– Ох... Если бы я знала. Он сказал о них сразу после свадьбы. Двадцать тысяч долларов. Какая-то старая история, корнями уходит в девяностые. И мы все отдаем их, отдаем... А проценты растут.

– Ну, хотя бы жилье есть, – Сергей обвел взглядом кухню.

На лице Наташи на миг появилась кривоватая ухмылка.

– Это не наша квартира, снимаем, – бесцветным голосом проговорила она и вздохнула: – Мне иногда кажется, что у меня никогда ничего своего не будет.

Сергей задумчиво покачал головой:

– Н-да, Наташка... Угроздило же тебя.

Она схватила пустую чашку, рванулась к умывальнику и включила слишком горячую воду. Ойкнув, переключила кран, принялась мыть чашку так, будто на ней был пуд грязи. Это понимание и сочувствие друга... Иногда их так сложно вынести. Особенно когда долго молчишь о том, что болит, накапливаешь эту боль в душе, как ненужный груз, который однажды взвалил на себя и несешь, несешь, натываясь на стенки запутанного лабиринта собственной жизни. Неясно, почему не сбросишь тяжесть, и неизвестно, зачем несешь. А находясь внутри лабиринта, уже не понимаешь, где его начало и в той ли стороне ищешь выход.

Не поворачиваясь, чтобы не показать выступившие на глазах слезы, запинаясь, спросила:

– Сереж, а ты... Ты мог бы принять в свою жизнь меня... с дочкой?

– Я мог бы, Наташка, мог бы, – голос его дрогнул. – Но уже поздно. В Королеве меня ждут жена и маленький Ильяш.

Не успев подумать, надо ли это знать, от неожиданности она выдохнула:

– Ты ее любишь?

Он помолчал немного, потом ответил тихо, но четко:

– Я им нужен.

Она ничего не видела перед собой, только слышала, как громко тикают часы на стене, перекликаясь с пульсацией в висках. Вот минутная стрелка прошла круг, повернула на второй. Наталья, не глядя, знала это: когда стрелка опускалась, звук тиканья становился бойчее, а вверх она шла натушно, тиканье становилось тише.

– Я не понимала раньше, но ты... ты и мне нужен, – почти прошептала Наташа, а потом поправилась: – нам...

Сергей не столько услышал, сколько почувствовал, что она сказала. Он перестал дышать – будто что-то внутри перемкнуло дыхание. Губы нервно дернулись, красные пятна расплзлись по лицу.

– Поздно, Наташка, поздно. Ты сама так хотела, – сказал, когда немного справился с нахлынувшими чувствами.

– Конечно...

Он засобирался, заторопился. Наташа провела гостя до двери. Крепко обняв ее на прощание, Сергей незаметно достал из кармана и положил на тумбочку пачку российских купюр, хотя и осознавал, что эти деньги не спасут положения. И дело даже не в сумме.

– Постарайся все же стать счастливой, Наташка, – выдавил улыбку Сергей, обхватив крепкими ладонями тонкие плечики и усилием воли отстранив ее от себя.

Она как стояла молча, с безвольно опущенными руками, так и продолжала стоять, когда за другом закрылась дверь. В ушах, как мотив с заезженной пластинки, раз за разом прокручивалось: «Ты сама так хотела... сама... так... хотела...»

Без права на любовь

Если бы только память могла удержать мельчайшие подробности этого дня! Навсегда. На каждый день земного существования.

Все случилось внезапно, будто молния сошла с небес и обоих пронзила одной стрелой. Они стояли и смотрели друг на друга так, словно не верили своим глазам, словно и не могли пересечься в этой жизни, на этой планете.

– А помнишь?..

– Помню.

– Ты почти не изменилась.

– Ты тоже...

И встретились-то в самом банальном месте – в магазине, где пахнет продуктами и средствами для стирки и где снуют толпы людей, абсолютно безразличных к чужим бедам и радостям. Кто-то толкнул Милу плечом, вроде бы нечаянно, но без извинений – как раз, как тридцать лет назад однокурсница. Та, высокая и горделивая, кажется, ее звали Ритой. С ней потом ушел Борис. Без оправданий и объяснений. Без надежды на дальнейшие отношения.

Мила так и не поняла тогда, что случилось. Его затравленный взгляд и осанка низверженного Зевса дали понять: произошло непоправимое, что невозможно пережить, находясь рядом. Она забрала документы из института и в тот же день уехала в другой город. Долго приходила в себя, искала силы, чтобы снова увидеть небо, услышать пение птиц и почувствовать запах черемухи. Чтобы просто научиться дышать – без него.

– Я провожу? Дождь пошел.

Она, казалось, слышала его сердце, которое барабанило под толстой кожаной курткой. Сердце Милы тоже сбилось с ритма и тщилося вырваться из-за решетки грудной клетки.

– Да... П-пожалуй.

Борис забрал у Милы авоську и жестом предложил взять его под руку.

– Где-то рядом живешь?

Мила кивнула. Хотелось сказать так много, а услышать еще больше. Как он жил эти годы? Как дышал без нее? Понимала без слов, что и ему расставаться не хочется. И чувствовала: снова, как в юности, по венам и артериям словно пробегал ток и выдавал электрические разряды при соприкосновении.

– Я должен сказать тебе... должен сказать... – запнулся Борис.

Дождь суетливо ронял капли на зонт, и они собирались в струйки, стекали по спицам на их плечи, спины. Мила смотрела на эти непрочные водяные струны и чувствовала, что в самом центре ее души такие же тонкие струночки натянуты до предела и вот-вот порвутся.

– Я искал тебя. Все эти годы, месяц за месяцем.

Слова затуманили разум, снова отбросили на десятилетия назад – в комнатку студенческого общежития, которую выделили молодой паре. Через пару дней Борис и Мила собирались расписаться, и уже активно обживали свой угол, наполняя его простенькой мебелью, страстью и милыми сюрпризами друг для друга.

– Ну что, Гера, заберем завтра твоего Зевса, – пошутил как-то Сева, – мальчишник у нас.

У студентов исторического факультета обычно и шутки были «исторические». Их группа как раз спускалась по лестнице после очередной лекции, и Мила от неожиданности оступилась, подвернула ногу и схватилась за перила. Она не понимала, почему, но так не хотела, чтобы он куда-то шел. Внутри все сжалось от Севиных слов. В этот же момент заметила, как зло сверкнули глаза Риты, когда та полуобернулась на шум сзади. Стало еще страшнее.

– Нет, – чуть не выкрикнула Мила, – никакого мальчишника, Борис!

– Милушка, это всего лишь традиция, – Борис наклонился и поправил ей съехавшую туфельку.

– О, боги! Ничего нового – просто Гера взбунтовалась, – рассмеялся Сева. – Но Зевс – на то и Зевс, чтобы самостоятельно принимать решения. Так что, мальчишнику быть? – обратился он к Борису.

Тот утвердительно кивнул:

– Быть, быть. С Милой мы поговорим, она просто пока не в курсе.

Нужных слов, чтобы удержать Бориса, у нее не нашлось, а «внутри все сжимается» аргументом не стало. И, отпуская любимого следующим вечером, Мила плакала от ощущения, что обнимаются они в последний раз.

– ...Так долго тебя искал. Даже не верится, что вот она – ты, стоишь рядом, и я слышу твоё дыхание, – голос Бориса дрогнул. – Понимаешь, я не мог, не имел права быть с тобой тогда... после всего, что случилось. Ты была такой... такой светлой, настоящей. Как я, после той вакханалии... той оргии... как мог прикоснуться к самому чистому, что у меня было в жизни? Я не имел на это права. Я сам отнял его у себя. Так мне тогда казалось.

– А теперь? Ты решил, что теперь у тебя это право есть? – Мила чувствовала, как ее потрясывает от напряжения.

– Я столько всего пережил... Сполна расплатился за то, что сделал. Каждый день, каждый день я вспоминал тебя и проклинал свою душевную черствость. Из-за нее не услышал тебя и пошел на тот дьявольский мальчишник.

Борис говорил, говорил. Мила помнила, что такая говорливость и суетливость прикрывали его волнение или страх. Прикрыв глаза, она слушала знакомый голос, в котором с годами поубавилось разве что уверенности.

– А потом я понял, что должен найти тебя во что бы то ни стало. Загладить, замолить свой грех. Я готов был ползать перед тобой на коленях, все... все, что захочешь, лишь бы простила меня. Потому что... Ну, сама подумай, разве могла одна ночь, одна глупая, бессовестная ночь погубить все то, что мы строили годами?! Это неправильно, ведь неправильно, скажи? – Он попытался взять Милу за руку: – Какая холодная ладошка. Дай согрею, – он поднес ее ко рту и похукал.

Мила высвободила руку из широкой мужской ладони и пошла вперед. Он вслед за ней нырнул под своды темной арки, затем они вышли на узкую улочку, откуда Миле до дома было рукой подать.

– Ты женат? – она, наконец, прервала свое молчание и снова остановилась. Спросила – и тут же поняла, что зря это сделала: его ответ ничего не мог изменить.

– Был. Развелся. Не смог. В каждой женщине искал тебя – и не находил. Пытался сбежать от прошлого: уехал в другой город – небольшой, тихий, без суеты. Так, наугад ткнул на карте – и уехал. Уже много лет живу здесь. Без семьи, один. Потому что ты – моя семья, мой мир, моя единственная женщина. Я так рад, что наконец мы рядом.

– Нет никакого «мы», Борис, а тем более нет «рядом», – горькая усмешка тронула ее губы. – У меня есть муж. Есть дети, обязанности.

Мила хотела рассказать о том, что старший сын так похож на него, Бориса. И сын, и маленький внучок тоже становятся излишне говорливыми, когда волнуются, и так же заливисто смеются, как их биологический отец и дедушка. Какие-то доли секунды внутри боролись два противоречивых желания. Сказать или промолчать?

– Обязанности? Но это значит, что ты не любишь его, ведь так? – голос Бориса сорвался на нервный рык, а это означало, что он готов ринуться в бой и отстаивать свое до конца.

Она испугалась, враз поняв, что нельзя допускать этого человека в ее другую жизнь – не такую богатую на эмоции, как в юности, но не обезображенную обманом и предательством. Мила не готова была рушить с таким трудом созданную гармонию, как не могла и предать

человека, который любил ее. К тому же, неизвестно, как воспримет сын свалившегося на голову отца: уже по внешнему виду он поймет, кому обязан жизнью.

– Я хочу тебя попросить, – она передернула плечами и подняла голову, решившись на шаг, о котором буквально полчаса назад боялась даже подумать.

– Все, что угодно, любимая, – он постарался спокойно и благодушно улыбнуться, но нервно дернувшийся глаз выдал волнение.

– Ты уезжай, пожалуйста. Подальше от этого города.

– Мила, о чем ты? Как можно просить об этом? После всего, что сегодня... что с нами произошло, – Борис поднял руки к голове и потряс ими. – Нет, не бывает таких случайностей, как сегодня. Мы не случайно снова встретились. Мила, пожалуйста, одумайся. Жизнь у нас одна, и она продолжается. Мы созданы друг для друга и должны быть вместе.

Его слова прозвучали как мольба, но будто издалека – из того прошлого, которому оказалось не суждено стать настоящим. Борис попытался обнять ее, Мила мягко, но настойчиво сняла с плеча руку и вышла из-под зонта. Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Они даже не заметили этого.

– Прячь зонт, дождя уже нет, – устало сказала она. – И нас нет. Есть ты и я. А еще... Еще есть все, кто оказался между нами.

Замок зонта заел от резкого движения и не желал поддаваться. Борис обернулся, отбросил полуоткрытый зонт в сторону урны, которая попала на глаза, и взял Милу за локти.

– Мила, родная моя...

– Я не твоя, – перебила она его. – Говоришь, не имел права любить меня тогда? Представь себе: теперь я не имею права быть рядом с тобой, Борис, – в очередной раз высвободилась она.

– Но я люблю тебя! – истерично взвизгнул он с акцентом на «я».

В этот момент Борис выглядел таким мальчишкой в своей эгоистической настойчивости – словно и не пролетело много лет, которые даются людям для приобретения мудрости. И новый взгляд на человека, память о котором она лелеяла столько лет, отрезвил мгновенно.

– А я люблю своего мужа, – проговорила Мила медленно, тихо, прислушиваясь к своему голосу, удивляясь неожиданному осознанию и новым чувствам – теплу и восторгу, наполнившим грудь при воспоминании о мужчине, который ждет ее дома. И затем повторила уверенно: – Да, я люблю мужа.

– Мы ведь еще увидимся? – внезапно обмякнув и присмирев, спросил Борис.

Она ответила задумчивой улыбкой и молчанием – долгим и красноречивым. Прощальным. Верной Герой для невозмутимого Зевса ей не дано стать. Все осталось в истории. Короткой истории их яркой, знойной, неземной любви. А на земле ей дан другой мужчина. И именно его образ вдруг всецело занял мысли, вселил острое желание поскорее увидеть, услышать, почувствовать...

Осторожно, словно боясь расплескать новые чувства в душе, Мила взяла из рук Бориса авоську, на несколько шагов отступила назад, а затем повернулась и медленно направилась в сторону своего дома. Взгляд чужого мужчины из прошлого жег спину, отчего привычные движения давались через силу. Но вскоре она повернула за угол, идти стало легче, Мила ускорила шаг. Домой, домой! Это слово внезапно зазвучало самой прекрасной музыкой в мире и приобрело смысл, который еще предстояло до конца осознать.

В легких сумерках светилось окно их квартиры. Мила представила, как нажмет кнопку звонка, как откроется дверь. За порогом ее мягко поглотит привычная обстановка, она уткнется в надежное плечо мужа своим холодным носом, ощутит привычный запах и тепло его тела. Представила – и еще ускорила шаг.

В отеле

«Черт ли сладит с бабой гневной...» – как заклинание, твердил про себя Ихтиандр, когда, пыхтя и отфыркиваясь, поднимал на третий этаж отеля тяжелую дорожную сумку благоверной.

Сама Галина в легком платьице и шляпе с огромными полями гордо вышагивала по ступеням чуть выше. Можно было, конечно, подняться на лифте, но жена считала, что полезно двигаться. Оно и понятно: ей же не приходилось тащить этот тяжелющий гробик на колесах по ступеням уже третьего отеля. Первые два показались жене настолько «занюханскими и зачуханными», что она не пожелала там оставаться «ни на час».

В номере Галина процокала шпильками к окошку и отдернула плотную штору.

– Бог ты мой! И это ты считаешь хорошим номером?

Ихтиандр пристроил дорожную сумку у двери в комнату, суетливо поправил очки:

– Галинка, что теперь-то не так? Просторно, чисто. Вон, цветочки в вазе...

– Ха! Цветочки! А ты видел, куда смотрят окна? На такие бетонные коробки я и в Минске нагляжусь, – она бросила сумочку на диван и плюхнулась рядом: – Вот ничего... ничего тебе доверить нельзя! Все испоганишь. Говорила мне мама...

– Ну, Клавдия Михайловна много всего говорит, – Ихтиандр поймал пронизывающий взгляд жены и тут же примиряюще добавил: – Конечно, она часто бывает права.

– Иди на ресепшн. Пусть дадут номер, чтобы выходил на другую сторону, – холодно промолвила Галина.

– Галёничик, родная, нет у них других номеров. Я этот еле...

Он не успел договорить, наткнувшись на ядовитую ухмылку супружницы.

– Меня не интересуют твои трудности! Ты обещал!

Она достала из сумочки зеркальце, нервно тронула помадой тонкие губы. Ихтиандр нерешительно топтался у порога, раздумывая, спускаться вниз или попытаться договориться с женой. Вообще-то, он ничего не обещал, кроме как отдых летом на море. Но, по всегдашней заведенке, фантазия жены всю работу взяла на себя.

– Дорогая, я...

– Ты еще не пошел? Одна нога здесь, другая там! – Галина схватила диванную подушку и со злостью метнула в супруга.

Это было уже чересчур даже для терпеливого Ихтиандра. Обычно он уступал, отступал и ретировался в другую комнату или шел прогуляться. Но двое суток, проведенных с Галиной нос к носу, оказались слишком сложными, а приказной тон с повизгиваниями и летающая подушка окончательно вывели из себя.

– Не нравится номер? – рявкнул он. – Тогда подняла свой зад – и пошла вон! Вон, я сказал!

И подушка, описав дугу, приземлилась на ноги благоверной. Та округлила глаза, втянула голову в плечи: такой реакции мужа за пять лет супружеской жизни она не видела ни разу. Повисла напряженная тишина. Придя в себя от неожиданности, Галина попробовала успокоить расхолившегося мужа.

– Ихтю-у-уша, – пропела она.

Но тот, уловив перемену в настроении жены, заревел уже во всю глотку:

– Море ей подавай! Гардеробчик по последнему писку! Отель пятизвездочный! Может, еще и блинчик с неба? Вон пошла! Достала!

Он вынул платок из кармана брюк и нервными движениями вытер пот, который катился крупными каплями по покрасневшему лицу и с подбородка стекал на шею и ниже. Ихтиандр прошел к креслу и на ходу дернул воротник рубашки так, что посыпались пуговицы.

Галина неслышно соскользнула с дивана – и вскоре уже сдувала с плеча мужа невидимые пылинки.

– Ихтюша, прости, прости. Солнце голову перегрело. Конечно, тут хорошо... цветочки тоже... Дорогой, а мы когда на пляж пойдем?

Он повернулся к ней лицом, тяжело сопя и раздувая от возмущения щеки. Галина отшатнулась и попятилась. Каблук попал на пуговицу, нога подвернулась. Взмахнув руками, женщина грохнулась на пол и затихла.

Боковым зрением Ихтиандр видел, как падала жена, но даже не повернул головы: сколько раз, когда Галине было удобно, она придумывала душещипательные моменты, достойные театральных подмостков. Всякий раз он делал вид, что верит ее инсценировкам. Потому что любил. Эта, очередная сцена тоже призвана вызвать приступ жалости и любви. Но на сей раз фокус не прокатит. У всякого терпения есть предел.

Ихтиандр резко вскочил с кресла и быстрым шагом вышел из номера.

Галина слабо шевельнула рукой, пытаясь остановить мужа. Хотела крикнуть, но из горла вырвался только хрип. Падая, она со всего маху ударилась головой о край столика.

Взгляд упал на дорожную сумку у двери. В этот миг она напонила гробик, только на колесах. Галина долго вглядывалась в нее, и сумка стала пухнуть, расти в размерах, пока не превратилась в самый настоящий гроб.

Стало страшно. Прямо на боковине гроба, как на экране кинозала, показались картинки ее жизни. Галина пыталась найти моменты, за которые можно было зацепиться, чтобы справиться с этим жутким страхом.

Бедовое детство с вечно пьяным тщедушным отцом и матерью, напоминающей Солоху из гоголевской Диканьки. Она всегда лучше всех знала, что надо делать, как надо жить, и этими знаниями да еще хитростями, лукавством душила вокруг себя любые живые мысли и желания.

Неудачный первый брак, в котором Галина потеряла ребенка и похоронила остатки веры в то, что может быть счастлива. Зато дала себе слово, что никогда больше никому не позволит диктовать ей свою волю. Лучше уж она сама научится диктовать волю другим.

И научилась же: совсем иным стал второй брак. Мужчина со странным именем Ихтиандр оказался таким же утонченно-красивым, как герой Беляева. И этот красавчик, глядя на которого невольно вздыхали барышни, боялся дышать на нее, Галину. От этого казался скучным – амеба и все тут. Он готов был в доску расшибиться, чтобы угодить жене. Но потворство прихотям душило ее так же, как когда-то контроль матери.

Так казалось ей раньше. И только сегодня, когда Ихтиандр неожиданно проявил характер, Галина взглянула на мужа другими глазами. А ведь он не такой уж бесхарактерный, не такой слабый и амебистый, каким представлялся ей все эти годы. Это вовсе не она диктовала ему свою волю – это он позволял ей диктовать ему свою волю.

В этот миг кинокадры напомнили сцены из их жизни, которым она не придавала значения. Вот Ихтиандр смело идет на огромную собаку, закрывая жену собой. Вот мягко, но настойчиво останавливает попытки тещи вмешиваться в их жизнь. А вот незаметно подкладывает своему Галёничку лучший кусочек мяса или пирога. И успешно строит карьеру – не для удовлетворения собственных амбиций, а чтобы реализовать растущие запросы жены.

Такие мелочи, которых она предпочитала не замечать, сейчас показали истинное положение дел: Ихтиандр просто любил ее. По-настоящему! Как она не поняла этого? Почему оказалась неспособна довериться чистому чувству?

Впервые за годы совместно выстраиваемого быта захотелось почувствовать его объятия и по-детски, искренне расплакаться. И чтобы он уговаривал ее, как маленькую, что все плохое пройдет, настанет новый день, и он будет замечательным.

Свет больно резанул по глазам, и Галина прикрыла их. Гроб на колесиках исчез вместе со всем своим барахлом и кинокадрами ее пустой жизни.

– Галинка! Галёничик!

Голос мужа долетел откуда-то издалека. Ихтиандр вызвал скорую, что-то скомандовал горничной. Затем Галина почувствовала, как муж бережно поднял ее с пола, уложил на диван, как обнял и почему-то заплакал. Глупенький, чего плакать? Они снова рядом, вместе, и его Галёничик на этот раз в полном порядке – ей хорошо, ей так хорошо...

Концерт

Зрители откровенно зевали. Приглашенные билеты на смотр-конкурс художественной самодеятельности они получили не по желанию, а в качестве бартера: взамен на пару часов скуки в Доме культуры их провинциального городка начальство пообещало выходной. И около сотни человек посреди трудового дня покинули рабочие места в организациях и на предприятиях ради важнейшей миссии: создать видимость, что мероприятие проходит массово.

Возглавили все это действие работники районного исполнительного комитета. В актовом зале они традиционно заняли пятый ряд, откуда взирали на окружающий мир с чувством собственного достоинства и грузом ответственности за происходящее.

На сцене предсказуемо-скучно один другим сменялись самодеятельные артисты. Кто-то играл на баяне, кто-то пел, кто-то танцевал, и казалось, что организаторы скроили все номера на один манер. Да и сами исполнители то ли подготовились слабо, то ли оказались настолько бесталанными, что многие зрители из зала могли бы выступить ярче и вдохновеннее.

– Лучше бы я доделала сегодня отчет, – вздохнула женщина интеллигентного вида, сидевшая во втором ряду. – И не хотела же уходить с работы, начальница силком выдворила.

Ее коллега укоризненно покачала головой.

– Молчи, трудоголичка. Сказали посидеть на концерте – сиди. Работа – не волк.

– Все равно за меня ее никто не сделает, – сокрушалась женщина. – И толку от так называемого «выходного», если домой работу потащишь.

– А ты меньше напрягайся. Я вот особо не заморачиваюсь: что успела, то сделала. А на нет – и суда нет. И заметь, – соседка цинично хмыкнула, – деньги на карточку все равно одинаково капают и тебе, и мне.

Их разговор достиг ушей мужчины в очках из третьего ряда.

– Как говорится, где бы ни работать – лишь бы не работать, – по-философски изрек очкарик, наклонившись к соседкам. – Берите пример с пятого ряда, как надо создавать рабочий вид.

Последнюю фразу он прогундосил тише, причем с оглядкой на начальственный ряд, чтобы районное руководство не услышало его разглагольствования. Но тому, похоже, было все равно. Очкарик по-бабски хихикнул и лениво, довольно откинулся на спинку кресла, скрестив на животе руки.

Женщины обернулись. Несколько начальственных голов с закрытыми глазами расслабленно поникли на грудь. Остальные важные персоны уткнулись в мобильные телефоны или сидели с отстраненными каменными лицами.

Зрители, покорно согласившись с тем, что нужно как-то «отбыть эту нудотину», тоже занялись своими делами: дремали, читали книги, перебрасывались сэмсками, кто-то даже умудрялся решать по телефону бытовые вопросы. Многие, чтобы совсем не уснуть, пытались разнообразить досуг разговорами друг с другом.

В этом бедламе только члены жюри старались честно выполнить обязанности и из серой массы выбрать кого-нибудь, хоть отдаленно напоминающего победителя конкурса.

Молодой человек с букетом в руках, сидевший в предпоследнем ряду, был одним из немногих, кто пришел на концерт по доброй воле и в свободное от работы время. Он уже начал подумывать о том, что деньги на цветы потратил зря. И теперь задавался вопросом, как бы от них избавиться – не тащить же домой через весь город! Заприметит чье-то всевидящее око соседа-холостяка с букетом, так просто замучают любопытством, что за цветочки, откуда и кому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.